

DOI: 10.18721/JHSS.12306
УДК 81-13

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н.Н. Трошина

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация

Показана связь интернационализации сферы науки и высшего образования, реализуемой в соответствии с принципом “*English only*”, т.е. как англификация этой сферы, и изменений в современной парадигме научной культуры. Анализ учитывает исследования по методологии научного познания, социологии науки, когнитивной лингвистики и теории дискурса. Современный научный дискурс в его письменном и устном вариантах характеризуется явным доминированием английского языка не только в международном общении, но и в расширяющемся использовании этого языка внутри неанглоязычных стран на научных конференциях, в деятельности научных издательств и в проведении многих учебных программ в вузах на английском языке. Это свидетельствует о том, что интернационализация науки трактуется как сужение сферы использования других коммуникативно мощных европейских языков. Такой подход к организации научного процесса противоречит важным положениям международных документов, регулирующих международное сотрудничество в области научных исследований и высшего образования. Сложившаяся ситуация обусловлена влиянием, прежде всего, американской системы высшего образования и общеэкономическим влиянием англоязычных стран, в связи с чем английский язык квалифицируется в специальной литературе как экономическая переменная в области науки и образования. Обеднение языковой базы современной науки, т.е. использование преимущественно английского языка в различных областях знания приводит к вытеснению из этой сферы огромного пласта накопленного знания, вербализованного на других языках и отражающего научную культуру других стран, а также стиль научного мышления в других культурах. В связи с этим сокращаются возможности реализации гносеологически разнообразных подходов при решении научных задач, так как владение другими языками не только расширяет способ мышления, но и изменяет имевшийся ранее.

Ключевые слова: интернационализация науки, моноязычие, многоязычие, гносеологическое разнообразие, научная культура, культурная парадигма, научный стиль.

Ссылка при цитировании: Трошина Н.Н. Интернационализация науки и проблема научной культуры в эпоху глобализации // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 3. С. 70–80. DOI: 10.18721/JHSS.12306

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

INTERNATIONALIZATION OF SCIENCE AND THE PROBLEM OF SCIENTIFIC CULTURE IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION

N.N. Troshina

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The paper shows a relation between internalization of science and higher education falsely interpreted as anglicization of this sphere and changes in modern paradigm of scientific culture. The analysis is based on researches done according to the methodology of scientific knowledge, sociology of science,

cognitive linguistics and discourse theory. Modern scientific discourse in its written and oral variants is characterized by the obvious domination of the English language in international communication. It is also in a wider use inside the non-English speaking countries: in scientific conferences, in the activity of scientific publishing houses, and in carrying out of many educational programs in English at universities and colleges. It shows that internalization of science is interpreted improperly as reduction of the area where other communicatively powerful European languages can be used. Such approach towards organization of a scientific process contradicts significant provisions of basic international documents, which regulate the international cooperation in the field of scientific research and higher education. The existing situation is caused by the influence, first, of the American system of higher education and by the general economic influence of English-speaking countries, for which reason the English language is qualified in special literature as an economic variable in the field of science and education. Impoverishment of the language base in modern science leads to the exclusion of the great layer of accumulated knowledge articulated in other languages from this sphere. This knowledge shows the scientific culture of other countries, as well as the style of scientific thinking in other cultures. Therefore, the possibilities to carry out epistemologically different approaches upon solving scientific problems are reduced, because second language skills not only expand the way of thinking, but also change the one available before.

Keywords: internalization of science, monolingualism, polylingualism, epistemological diversity, scientific culture, cultural paradigm, scientific style.

Citation: N.N. Troshina, Internationalization of science and the problem of scientific culture in the epoch of globalization, *Society. Communication. Education*, 12 (3) (2021) 70–80. DOI: 10.18721/JHSS.12306

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Под сферой науки в настоящей статье понимается общее пространство научных исследований и высшего образования. Обе эти сферы испытывают в эпоху глобализации сильное влияние экономических факторов, причем одним из проводников этого влияния стал сегодня английский язык, в связи с чем в специальной литературе английский язык квалифицируется как «экономическая переменная в сфере образования» (*bildungsökonomische Variable*) [1]. Структура научной сферы с ее требованиями к издательской деятельности, организации учебного процесса в высшей школе закрепляется в сознании участников этой сферы средствами английского языка, вербализовавшим такие понятия, как *human resources management* «управление кадрами», *quality management* «управление качеством», *management change* «управление преобразованиями». Содержание этих понятий определяется ведущими американскими университетами, руководствующимися принципом англификации науки: то, что произведено не на английском языке, всерьез не воспринимается, подчеркивает профессор Загребского университета, член президиума Центра по европейскому образованию З. Германн [1, с. 131]. Этому влиянию подвергаются вузы в неанглоязычных странах, в том числе и в Германии, которая по праву может гордиться достижениями своей науки, так как вплоть до середины XX века она прочно удерживала лидерство в этой сфере. Сегодня крупнейшие немецкие университеты превращаются в так называемые «бизнес-университеты / коммерческие университеты» (*unternehmerische Universitäten*), чтобы завоевать прочное положение на рынке труда для своих выпускников и преподавателей, пишет З. Германн [1; см. также: 2, с. 109].

Перевод науки на экономическую основу поддерживается так называемым импакт-фактором журналов (*Impact Factor*), т. е. числовым показателем цитируемости научных статей, опубликованных в наиболее престижных научных журналах. Этот показатель существенно влияет на выделение финансовых средств для реализации научных проектов. Импакт-факторы журналов ежегодно вычисляются американским Институтом научной информации (*Institute for Scientific Information, ISI*) Томсона Ройтерса (см. об этом подробнее: [3, с. 13–17]).

Постановка проблемы

Взаимосвязь интернационализации науки и изменений в научной культуре, происходят в контексте развития глобализационных процессов и обнаруживаются при сопоставлении двух типов языковой ситуации в научной сфере — моноязычия и многоязычия. Эти два типа языкового режима, в которых протекает научно-исследовательская деятельность и образовательный процесс в высшей школе, получают далеко не одинаковую экономическую поддержку как международных, так и национальных институций. Сегодня уже невозможно отрицать преимущественное финансирование тех исследовательских проектов и программ, которые реализуются с коммуникативной опорой на английский язык. Другие национальные развитые языки в этом отношении сильно ущемлены.

Для характеристики влияния экономики на сегодняшнюю науку З. Германн ввел в оборот емкую когнитивную метафору *контроль над флюидом* (Kontrolle des Fluiden): как «флюид» характеризуется постоянно изменяющийся («текущий») массив знания. Этот контроль предлагается осуществить путем отказа от многоязычия, чтобы «информационные потоки стали управляемыми независимо от тех смысловых различий, которые привносятся в них национальными языками» [1, с. 126] и, соответственно, позволяют гносеологическое разнообразие в научном поиске, уточняет Р. Моцикат [4, с. 95].

Следует отметить, что моноязычие — это не новость для науки: такой период (весьма длительный!) наука пережила уже в Средние века, когда в научной сфере господствовала латынь, вербально поддерживавшая схоластику, перед которой не ставилась цель получения нового знания. С помощью приемов аргументативной логики трактовались лишь канонические тексты христианского (католического) богословия и Аристотеля. Но опубликование результатов исследований Галилео Галилея, Исаака Ньютона и Луки Пачоли, а также проведение дискуссий по этим результатам потребовало использования возможностей живых языков. И совсем не случайно, что постепенная смена латинского моноязычия на живое многоязычие совпала с расцветом эмпирических наук.

Понимание необходимости международного сотрудничества в области научных исследований и высшего образования лежит в основе трех важнейших документов, регулирующих это сотрудничество:

1) Великой хартии европейских университетов (1988 г., Болонья) (Magna Charta Universitarum Europaeum), в которой декларируется моральная и интеллектуальная независимость университетов от политических и экономических властей, признание исторических традиций и различных принципов организации образования; в п. 4 этого документа названные ориентиры трактуются как «жизненная потребность различных культур» [5];

2) Сорбонской декларации по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования (1998 г., Сорбонна); в этой Декларации подчеркивается, что «Европа — это не только евро, банки и экономика: она должна быть также и Европой знаний. Мы должны строить и усиливать интеллектуальную, культурную, социальную и техническую базу нашего континента. В большой степени это относится к университетам, которые продолжают играть переломную роль в таком развитии» [6];

3) Болонской декларации о создании Зоны европейского высшего образования (1999 г., Болонья), основанной на принципах, сформулированных в вышеназванных документах, и акцентирующей «принятие полного уважения к разнообразным культурам, языкам, национальным системам образования и университетской автономии» [7].

Однако при всей важности и несомненной общекультурной значимости поставленных задач основной аспект их реализации — языковой — оказался недостаточно проработанным. Не уточнялось, как предполагалось вербализовать это международное сотрудничество. Решение этой проблемы оказалось в руках не непосредственных реализаторов положений Хартии и Деклараций, т. е. ученых, а в руках «менеджеров от науки», как правило, не имеющих должной научной

подготовки и, тем более, научных заслуг. Не учитывая объема и специфики научных вкладов стран и их университетов в развитие различных отраслей знания, эти менеджеры выбрали языком создаваемого единого пространства высшего образования английский язык как самый распространенный в мире, видя в этом достаточную языковую базу для привлечения в вузы иностранных студентов и преподавателей, а также связывая английский язык с перспективой получения дополнительного финансирования и получения грантов. Американская модель высшего образования настолько воспринималась как ориентир для европейских университетов, что, например, в Германии в контексте стремления «хорошо подготовить Германию к глобализации» (*Deutschland fit für die Globalisierung machen*) появилось понятие «американец с немецким паспортом» [8].

Современная наука, несомненно, нуждается в языке международного общения, и таковым справедливо является английский язык. Вопрос в другом: какие последствия навязывание английского языка влечет для получения научного знания и насколько оправдан форсируемый перевод высшего образования на английский язык в неанглоязычных странах, если он сопровождается снижением качественного уровня обучения? [9, 653]. Хотя в Болонской декларации термин «интернационализация» отсутствует, именно с ней сторонники англификации науки связывают широкое использование английского языка в университетах и в издательской практике. Так, например, на сегодняшнем сайте международного издательства научной литературы “de Gruyter” представлена следующая информация: на английском языке опубликовано 56314 работ, на немецком – 11271, на французском – 283, на испанском – 163, на итальянском – 81, на русском – 34, на португальском – 23, на арабском – 17, на латыни – 10, на иврите – 8 [10]. По мнению Председателя «Общества немецкого научного языка» (*Arbeitskreis Deutsch als Wissenschaftssprache, ADAWiS*) [11] профессора медицины Ральфа Моциката¹, усиливающаяся англификация высшего образования в неанглоязычных странах, в частности, в Германии, подрывает основы немецкого образования, которые понимались как нечто само собой разумеющееся [9, 651]. Юрист Алекс Флесснер, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта указывает также на нарушение права граждан ФРГ на получение образования на родном немецком языке [12].

Р. Моцикат не связывает использование английского языка в международном общении с расширением его употребления в высшей школе и пишет о независимости этих двух процессов (*ganz unabhängig davon*) [13, с. 13], что представляется неправомерным, поскольку собственно научные исследования и высшее образование неразрывно связаны: англоязычная ситуация в международной научной коммуникации «подталкивает» в эту сторону и университетскую жизнь, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это подготавливает часть студентов к деятельности в международных проектах, а с другой, – делает для них невозможным обращение к огромному пласту научного знания, накопленного на других языках. Кроме того, многим иностранным студентам, получившим образование на английском языке, а не на местном, это создает большие проблемы при поиске работы в этой стране. В такую ситуацию часто попадают иностранные студенты после окончания немецких университетов, сообщает газета „Frankfurter Allgemeine Zeitung“².

Методология исследования

Теоретические положения и данные новейших публикаций российских и зарубежных ученых (2009–2020) в области методологии научного познания, социологии науки, когнитивной лингвистики и теории дискурса позволяют показать связь многоязычия и гносеологического разнообразия в научных исследованиях.

В.Е. Чернявская в статье «Может ли ученый мыслить национально-специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен» задает вопрос: насколько может один язык не только

¹ Общество ADAWiS объединяет далеко не только одних германистов, но и специалистов по самым различным отраслям знания. – *Н.Т.*

² *Nach Deutschland kommen, um zu bleiben.* URL: <https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/campus/warum-auslaendische-studierenden-nach-deutschland-kommen-15662493.html> (дата обращения: 29.06.2021; 20.11.2020).

(и не столько!) адекватно распространять информацию, сколько давать достаточное когнитивное пространство для формирования и репрезентации нового знания? [14, с. 157]. Такая постановка вопроса связана, в частности, с тем, насколько чтение научной литературы на языке оригинала увеличивает глубину восприятия проблемы, обсуждаемой в оригинальном тексте? Это интересует также хорватского философа Паво Баришича, который считает, что перевод специальных научных текстов не позволяет понять всю их концептуальную глубину в полном объеме. Автор ссылается на выдающиеся произведения по критической и идеалистической философии, по экзистенциализму, написанные на немецком языке Кантом и Гегелем, Шопенгауэром и Ницше, Хайдеггером, Гадамером и Хабермасом, т. е. самыми читаемыми и цитируемыми философами в мире: «Чтобы правильно понять их произведения и всю глубину их размышлений, необходимо погрузиться в языковые и ментальные глубины немецкого языка. Потому что с каждым переводом уходит что-то из неповторимого своеобразия вершин их мысли» [15, с. 46]. Отметим, что при восприятии и понимании текста иноязычного и инокультурного автора нередко раскрывается иная картина мира, указывающая на иные эпистемические структуры, отраженные в данном тексте (ср. замечание Н.А. Бердяева, что «истина не может быть национальной, но разные национальности могут раскрывать отдельные ее стороны» [16, с. 29]). В отличие от моноязычия многоязычие создает возможность гносеологически разнообразного подхода в научных исследованиях, поскольку язык выполняет не только коммуникативную функцию общения с внешним миром (*extra-kommunikative Funktion*), но и внутренне-когнитивную функцию (*intern-kognitive Funktion*), подчеркивают Р. Моцкат и Г.Х. Дитер в статье «Универсальный язык для естественных наук? Критическое замечание», т. е. является эвристическим инструментом, так как рождение и формирование гипотезы происходит на родном языке [17, с. 28]. Именно родной язык предоставляет в распоряжение человека тот когнитивный потенциал со всеми его историко-культурными коннотациями и моделями аргументации, который необходим для образно-наглядного представления сложных смыслов: как бы хорошо человек ни владел иностранным языком, этот язык не может быть такой когнитивной базой ни для человека в диалоге с самим собой (т. е. в процессе познания), ни для его адресата, подчеркивает Р. Моцкат в статье «Ценность многоязычия для естественных наук» [18].

Ценное уточнение в понятие языковой картины мира вносят З.Д. Попова и И.А. Стернин в книге «Когнитивная лингвистика», различая:

1) когнитивную картину мира, т. е. «ментальный образ действительности, сформированный сознанием человека или народа и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления. Таким образом, когнитивная картина мира – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [19, с. 52];

2) опосредованную картину мира, т. е. результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, в том числе и языковой [19, с. 53].

Поскольку язык не формирует картину мира, но дает информацию о ней, в научных исследованиях важно пользоваться данными, представленными средствами разных языков, показывающих различные картины мира. Справедлива точка зрения Ю.И. Александрова и Н.Л. Александровой, что разные языки, вербализующие разные культуры, не просто называют по-разному одно и то же явление: носители этих языков его по-разному видят; таким образом, представление об универсальности когнитивных процессов спорно [20, с. 29]. Ссылаясь на исследования К. фон Штуттерхайм и Р. Ньюзе [21], вышеназванные авторы уточняют, что владение вторым языком не только добавляет новый способ мышления, но и изменяет имевшийся ранее [цит. по: 20, с. 31]. Это положение можно проиллюстрировать примером, который приводит немецкий исследователь В. Тильманн, показывая, как в разных наименованиях одного и того же объекта исследования в разных языках по-разному акцентируются различные его свойства, в результате чего

иначе выстраиваются направления исследования: англ. *contour* и нем. *Verlauf* обозначают изменение частоты основного тона голоса, однако англ. *contour* выделяет признак «форма кривой» (аналогично графику функции), а нем. *Verlauf* – признак «изменения скорости во времени». Более того, как отмечает В. Тильманн, для английского языка, в отличие от немецкого, характерно неразличение *области* исследования и собственно научного *исследования* (Nicht-Differenzierung zwischen Gegenstandsbereich und wissenschaftlicher Forschung): одному английскому термину *linguistic* соответствуют два немецких – *sprachlich* «языковой» и *linguistisch* «лингвистический»³ [22, с. 105]. Ср. также: англ. *physical* vs. нем. *physisch* «физический» и *physikalisch* «относящийся к области физики», англ. *chemical* vs. нем. *chemisch* «химический» и *chemikalisch* «относящийся к области химии». Учитывая эти особенности англо- и немецкоязычной терминологии, В. Тильманн приходит к следующему выводу: «В области эпистемически ориентирующих языковых средств (erkenntnisleitende sprachliche Mittel), значимых для выполнения языком его гносеологической функции, немецкий и английский научные языки соотносятся в значительной как альтернативные (weitgehend alternativ) [22, с. 102].

Негативные последствия обеднения языковой базы научной коммуникации вследствие ее моноязычия и связанное с этим сужение когнитивного пространства наблюдается не только в области гуманитарных дисциплин, но и естественных, поскольку язык всегда обладает гносеологическим измерением, и даже сильно формализованные тексты из области химии или физики нуждаются в пояснениях на естественном языке [18], что подчеркивает также известный немецкий физик и философ Карл Фридрих фон Вайцзеккер: «Так называемую точную науку никогда и ни при каких условиях нельзя лишать привязки к тому, что называют естественным, или разговорным языком» [11].

С сожалением констатируя широкое использование редуцированного, т. е. то есть грамматически и стилистически сильно упрощенного английского языка в научных публикациях, прежде всего, авторов, для которых этот язык не является родным, Р. Моцикат даже предполагает наличие связи между этим обстоятельством и схематизацией рассуждений, представленных в потоке сообщений по малозначимым вопросам (Kleinteiligkeit der mitgeteilten Forschungsergebnisse) [18]. Полноценное научное общение возможно лишь на развитом языке; написать сложные тексты на *lingua franca* (в качестве него сегодня нередко воспринимается упрощенный английский язык) невозможно. Аргумент *The language of good science is bad English* «Хорошая наука говорит на плохом английском» едва ли убедителен. Поэтому абсолютно своевременное выражаемое В.Е. Чернявской в монографии «Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема» беспокойство о последствиях создавшегося социально обусловленного языкового редуционизма для внутринаучных познавательных процессов получения и верификации знания. «Вопрос о том, хорош или плох монолингвизм в научной коммуникации, ставится в последние годы не только в связи с так называемыми антиглобалистскими настроениями или тяготением к национальной идентичности. Этот вопрос проецируется на оценку качества знания, представляемого в рамках одной языковой монокультуры. Хорошо ли это для прогресса науки, если понимать под ним эвристичность как свойство знания выходить за свои первоначальные границы, обладать способностью к саморасширению и порождать рост информации?» [2, с. 111].

Результаты исследования

Доминирование английского языка в важнейших сферах жизни общества свидетельствует об иерархизации языков и, следовательно, культур, что приводит к изменениям в культурной парадигме того лингвокультурного сообщества, которое испытывает на себе это иноязычное и инокультурное влияние.

³ Под влиянием англоязычного термина *linguistic* русскоязычные термины «языковой» и «лингвистический» часто используются как синонимы в научном дискурсе и, тем более, в дискурсе массмедиа, с чем нельзя согласиться. – Н.Т.

В связи со сказанным необходимо остановиться на понятии культурной парадигмы и на ее соотношении с научным дискурсом. В настоящей статье принимается трактовка культурной парадигмы как «реально существующего феномена синхронной целостности культурных объектов», предложенное Н.Б. Бакач⁴. Эта целостность обеспечивается единством структуры и динамики культуры. Притом, что понятие культуры гораздо шире понятия науки, влияние науки на культуру в современном обществе возрастает, в связи с чем современное общество квалифицируется как общество знаний. Они добываются в том социокультурном и языковом контексте, в котором сформировался данный исследователь.

Признаками социокультурной парадигмы являются: объективность, конститутивность, коллективность, темпоральность, репрезентативность, имманентность субъекту⁵. Эти признаки свойственны каждой составляющей культуры. Анализ языковой ситуации в современной научной сфере свидетельствует о том, что в науке эти признаки проявляются следующим образом: 1) объективность – как реальное существование современного научного дискурса; 2) конститутивность – как необходимость следовать правилу писать и выступать по-английски; использование других языков в научном общении воспринимается как девиантное поведение и наказывается исключением их научного дискурса; 3) коллективность – как признание английского языка всем научным сообществом в качестве средства; 4) темпоральность – как язык, преимущественно используемый в научной коммуникации с середины XX века по сегодняшний день; 5) репрезентативность – как представленность в сознании всех членов научного сообщества; 6) имманентность субъекту – как признание важности членства в англоязычном научном дискурсе для научной самоидентификации исследователя.

Комплекс этих признаков, обнаруживаемых в современном научном дискурсе, позволяет говорить о существовании собственно научной культурной парадигмы, представленной идиоэтническими вариантами и формирующей то, что называется национальным научным стилем. Научный стиль, т. е. «знаю, что + знаю, как» (ср.: [2, с. 13] определяет выбор коммуникативно оптимальных стратегий для формулирования сообщения в дискурсе данного типа.

В специальной литературе существует признанная классификация национальных (идиоэтнических) научных стилей, поддерживаемых национально-культурной традицией и воспроизводящих «те устоявшиеся когнитивные и коммуникативно-речевые каноны, которые удостоверяют коллективный опыт», пишет В.Е. Чернявская [2, с. 58]. Эти каноны касаются идеальных образцов научного творчества, прежде всего, способа постановки проблем, аргументации и сообщения результатов исследования. Различаются английский (саксонский, Saxonic), немецкий (Teutonic), французский (Gallic) и японский (Nipponic) научные стили⁶.

Интересно, что проблема научного стиля занимала такого, казалось бы, далекого от лингвистики человека, как лауреата Нобелевской премии Л.П. Капицу. Он четко различал два типа научных школ – немецкую и английскую, о чем написал в книге «Эксперимент. Теория. Практика», на которую ссылается В.Е. Чернявская: «Исследователь немецкой школы исходит из теоретических предположений, проверяет и подтверждает их экспериментально. Ученый английской школы, как правило, исходит не из теории, а из наблюдаемого явления, старается объяснить его имеющимися теориями. Само явление и его анализ выступают основным побудительным моментом для исследователя» [23, с. 286 – цит. по: 2, с. 112]. Немецкий научный стиль отличается подчеркнутой теоретичностью, пространством изложением научного контекста, т. е. изложением уже имеющихся данных по исследуемой проблеме и многочисленными отсылками к опубликованным работам. Так в научном тексте, написанном автором, сформировавшимся в традициях

⁴ Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998. 21 с.

⁵ Подробнее о признаках культурной парадигмы см: Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998. С. 15.

⁶ Подробную библиографию по этому вопросу см.: [20]. – *Н.Т.*

немецкой научной школы, проявляется то, что диктуется типично немецкими чертами характера, — точностью, добросовестностью, аккуратностью. Однако это затрудняет адресату обнаружение в тексте собственно нового знания. Коммуникативные стратегии, реализующие эти стилистические черты, выводят на первый план не адресата (читателя), а адресанта (автора) текста, из-за чего немецкие научные тексты считаются трудными для понимания.

Англосаксонский стиль в силу его диалогичности и даже склонности к научно-популярному изложению воспринимается, напротив, как более легкий для читателя. Авторы-немцы, однако, считают это нарушением норм академического письменного общения и даже нанесением ущерба научной репутации автора. Будучи частью культурно детерминированной человеческой практики [2, с. 115], национальный научный стиль обнаруживается даже в тех случаях, когда текст написан на безупречном английском языке, но в соответствии с немецким стилистическим каноном, что подтверждается исследованиями М. Клайна — австралийского лингвиста австрийского происхождения⁷, получившего германистическое образование в Боннском университете.

Интернационализация науки на базе английского языка приводит (практически уже привела!) к ориентации письменной научной коммуникации на английский (саксонский) стиль.

Заключение

Интернационализация современной науки, протекающая под сильнейшим политическим, экономическим, культурным и научным влиянием англоязычных стран, — это отклик на глобализационные процессы. В силу тесной взаимосвязи научно-исследовательской и преподавательской деятельности интернационализация захватывает обе названные сферы и проявляется в следовании англо-американскому понятию science, модели высшего образования и в англификации письменного и устного научного дискурса. Последнее используется как средство коммерциализации научной сферы.

Особенно сильны позиции английского моноязычия в издательской сфере, так как большинство научных статей и монографий принимаются к публикации только, если они написаны на английском языке и содержат ссылки на англоязычных авторов. Английский язык превалирует также и в устной научной коммуникации.

Неправильно трактуемое понятие интернационализации, т. е. вопреки положениям основных международных документов в этой области, обуславливает постепенный переход высшего образования в неанглоязычных странах на английский язык, что отрицательно сказывается на качестве высшего образования и приводит к нарушению прав студентов и преподавателей — граждан этих стран, а также к деформации национальной научной культуры как важной составляющей культуры в целом.

Складывается кризисное положение в области научной культуры, которое все более отчетливо осознается, прежде всего, учеными из неанглоязычных стран и проявляется в активизации их научной саморефлексии, т.е. в большом количестве публикаций по вопросу о тревожной судьбе национальной науки в этих странах [3].

В качестве реальной альтернативы английскому моноязычию, подрывающему основы национальной научной культуры, «Общество немецкого научного языка» (ADAWiS) [11] предлагает дифференцированное многоязычие, реализуемое как:

- 1) выбор национальных языков в различном объеме для проведения учебных программ в вузах в зависимости от специфики профессиональной подготовки студентов;
- 2) развитие межкультурной компетенции студентов в соответствии с принципом «Нет интернационализации без межкультурной компетенции» [24, с. 72; 25];
- 3) представление развернутых аннотаций на английском языке к научным текстам, написанным на других языках;

⁷ Майкл Клайн (Michael Clyne, Michael Klein) родился в 1939 г. в Мельбурне (Австралия), куда его родители переселились из Австрии после ее присоединения к Германии (Anschluss) в 1938 году. — *Н.Т.*

4) использование национальных языков на внутренних научных конференциях и на международных (в последнем случае с синхронным переводом на английский язык).

Дифференцированное многоязычие планируется использовать также при создании общеевропейской базы научного цитирования, независимой от американского Института научной информации Томсона Ройтерса. Инициаторами создания базы являются Германия и Франция. Такое решение было принято и оформлено в виде проекта программы под названием “GAIA-X” на международном конгрессе по цифровым технологиям в 2016 году в Дортмунде (Германия). Информация в этой базе должна отражать не только индексы цитирования научных публикаций, но и их содержание и европейские ценности, для чего следует привлекать к рецензированию специалистов в конкретных областях знания. Особое внимание при создании такой базы предполагается уделить ее технической надежности, чтобы «воспрепятствовать нежелательной утечке информации из европейского пространства», т. е. акцентируется аспект цифрового суверенитета европейской науки⁸. 15 октября 2020 года была подписана Декларация о создании «общеевропейского облака» (Cloud-Declaration), т. е. общеевропейской виртуальной инфраструктуры (cloud-based infrastructure) и уточнялся проект “GAIA-X”⁹.

Кризисная ситуация в научной культуре означает постепенную смену культурной парадигмы в науке. Переход в этой ситуации на дифференцированное многоязычие может способствовать сохранению цельности научного знания, т. е. сохранению великих научных школ и традиций прошлого в сочетании с современными научными достижениями, в результате чего может быть сформирована новая парадигма научной культуры, в рамках которой будет сохранена национально-культурная идентичность исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Gehrmann S.** Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung // *Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive*. München, New York: Waxmann, 2015. Pp. 117–156.
2. **Чернявская В.Е.** Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: УРСС, 2017. 144 с.
3. **Трошина Н.Н.** Немецкий язык в науке эпохи глобализации: Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН, 2021.
4. **Mocikat R.** Die Anglophonisierung der Wissenschaften als Folge ihrer Ökonomisierung? // *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 2020. Pp. 91–96.
5. Великая хартия европейских университетов. URL: http://bolognaby.org/images/Library/Magna_Carta_Universitatum_ru.pdf (дата обращения: 25.06.2021).
6. Сорбонская декларация. URL: textarchive.ru/c-2262125.html (дата обращения: 20.06.2021).
7. Болонская декларация. URL: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracia.pdf (дата обращения: 01.07.2021).
8. **Meyer H.J.** Nur Mut zu einer Reform der Reform: Anmerkungen zum Bologna-Prozess // *Forschung & Lehre*. 2009. No. 8. Pp. 574–577.
9. **Mocikat R.** Fertigwissen in der Einheitssprache // *Forschung & Lehre*. 2010. No. 9. Pp. 652–653.
10. Languages of publications. URL: <https://www.degruyter.com/search?query=Languages+of+publications> (дата обращения: 028.06.2021).
11. ADAWiS. URL: http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

⁸ „GAIA-X“ – ein neuer Datenraum für Europa. URL: <https://www.bmbf.de/de/gaia-x-ein-neuer-datenraum-fuer-europa-9996.html> (дата обращения: 01.07.2021)

⁹ Digital Lunch 3: Dateninfrastruktur in Europa. URL: <https://www.dnhk.org/veranstaltungen/details/digital-lunch-3-dateninfrastruktur-in-europa> (дата обращения: 06.09.2021)

12. **Flessner A.** Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft // Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft. Berlin: de Gruyter, 2010. Pp. 874–898.
13. **Mocikat R.** Internationalisierung und Wissenschaftssprache – eine Einführung // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? Baden-Baden: Nomos, 2020. Pp. 13–14.
14. **Чернявская В.Е.** Может ли ученый мыслить национально-специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 156–163.
15. **Varišić P.** Sprachzwangslage der Wissenschaft: Exkurs zum Weltkongress für Philosophie // Zäger germanistische Beiträge. 2019. No. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. Pp. 39–54.
16. **Бердяев Н.А.** Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 6–36.
17. **Mocikat R., Dieter H.H.** Eine Universalsprache für die Naturwissenschaften? Ein kritischer Zwischenruf // Aviso. München, 2011. No. 2. Pp. 26–31.
18. **Mocikat R.** Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften. URL: https://adawis.de/fileadmin/user_upload/Otzenhausen_2016_s.pdf (дата обращения: 17.06.2021).
19. **Попова З.Д., Стернин И.А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
20. **Александров Ю.И., Александрова Н.Л.** Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Вестник Мос. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Сер. 14: Психология. М., 2010. № 1. С. 22–35.
21. **Stutterheim C. von, Nüse R.** Processes of conceptualization in language production: language-specific, perspectives and event contrast // Linguistics. 2003. V. 41. Pp. 851–881.
22. **Thielmann W.** Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? Baden-Baden: Nomos, 2020. Pp. 97–109.
23. **Капица Л.П.** Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1987. 495 с.
24. **Rösch O.** Internationalisierung der Hochschulbildung – und was ist mit Kultur? // Die Neue Hochschule. 2013. No. 3: Internationalisierung beginnt zu Hause. Pp. 70–74.
25. **Rösch O., Tolkiehn G., Lehnert R.** Die Landessprache in der Lehre – Welche Bedeutung kommt ihr bei der Internationalisierung zu? // Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen. Bonn, 2019. No. 6. Pp. 12–15.

Статья поступила в редакцию 03.08.2021.

REFERENCES

- [1] **S. Gehrman**, Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung. Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive. München, New York: Waxman. 2015. Pp. 117–156. (In German)
- [2] **V.E. Chernyavskaya**, Nauchnyy diskurs: Vydvizheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema [Scientific Discourse: Advancing Results as a Communicative and Language Problem]. M.: URSS. 2017. 144 p. (In Russian)
- [3] **N.N. Troshina**, Nemetskiy yazyk v nauke epokhi globalizatsii [The German Language in the Science of the Age of Globalization]. M.: INION RAN. 2021. 52 p. (In Russian)
- [4] **R. Mocikat**, Die Anglophonisierung der Wissenschaften als Folge ihrer Ökonomisierung? Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? Baden-Baden: Nomos. 2020. Pp. 91–96. (In German)
- [5] Velikaya khartiya evropeyskikh universitetov [Magna carta of European universities] Available at: http://bolognaby.org/images/Library/Magna_Carta_Universitatum_ru.pdf (accessed: 25.06.2021). (In Russian)
- [6] Sorbonskaya deklaratsiya [The Sorbonne declaration] Available at: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracia.pdf (accessed: 01.07.2021). (In Russian)
- [7] Bolonskaya deklaratsiya [The Bologna declaration] Available at: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracia.pdf (accessed: 01.07.2021). (In Russian)

- [8] **H.J. Meyer**, Nur Mut zu einer Reform der Reform: Anmerkungen zum Bologna-Prozess. *Forschung & Lehre*. 8 (2009) 574–577.
- [9] **R. Mocikat**, Fertigwissen in der Einheitssprache. *Forschung & Lehre*. 9 (2010) 652–653.
- [10] Languages of publications Available at: <https://www.degruyter.com/search?query=Languages+of+publications> (accessed: 028.06.2021). (In English)
- [11] ADAWiS Available at: http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf (accessed: 29.06.2021). (In German)
- [12] **A. Flessner**, Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft. *Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft*. Berlin: de Gruyter. 2010. Pp. 874–898.
- [13] **R. Mocikat**, Internationalisierung und Wissenschaftssprache – eine Einführung. *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos. 2020. Pp. 13–14. (In German)
- [14] **V.E. Chernyavskaya**, Mozhet li uchenyy myslyt' natsional'no spetsifichno? Kognitivnyy stil' kak monokulturnyy fenomen [Can a scientist think in a specifically national way? Cognitive style as a monocultural phenomenon]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. SPb. 2 (2012) 156–163. (In Russian)
- [15] **P. Barišić**, Sprachzwangslage der Wissenschaft: Exkurs zum Weltkongress für Philosophie. *Zagreber germanistische Beiträge. Anglophonisierung der Wissenschaftssprache*. 28 (2019) 39–54. (In German)
- [16] **B. Berdiaev**, *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda: Sbornik statey o russkoy intelligentsii* [Philosophical veritas and truth of intelligentsiya: Articles about Russian Intellectuals]. Moscow: RIPOL klassik. 2017. Pp. 6–36. (In Russian)
- [17] **R. Mocikat, H.H. Dieter**, Eine Universalsprache für die Naturwissenschaften? Ein kritischer Zwischenruf. *Aviso*. München. 2 (2011) 26–31. (In German)
- [18] **R. Mocikat**, Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften. Available at: https://adawis.de/fileadmin/user_upload/Otzenhausen_2016_s.pdf (accessed: 17.06.2021). (In German)
- [19] **Z.D. Popova, I.A. Sternin**, *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok–Zapad. 2010. 312 p. (In Russian)
- [20] **Yu.I. Aleksandrov, N.L. Aleksandrova**, Komplementarnost' kul'turospetsifichnykh tipov poznaniya [Complementarity of cultural specific types of knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, Ser. 14. Psikhologiya*. Moscow. 1 (2010) 22–35. (In Russian)
- [21] **C. von Stutterheim, R. Nüse**, Processes of conceptualization in language production: language-specific, perspectives and event contrast. *Linguistics*. 41 (2003) 851–881. (In English)
- [22] **W. Thielmann**, Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften. *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos. 2020. Pp. 97–109. (In German)
- [23] **L.P. Kapitsa**, *Ekspiriment. Teoriya. Praktika* [Experiment.Theory. Practice]. Moscow: Nauka. 1987. 495 p.
- [24] **O. Rösch**, Internationalisierung der Hochschulbildung – und was ist mit Kultur? *Die Neue Hochschule. Internationalisierung beginnt zu Hause*. 3 (2013) 70–74. (In German)
- [25] **O. Rösch, G. Tolkiehn, R. Lehnert**, Die Landessprache in der Lehre – Welche Bedeutung kommt ihr bei der Internationalisierung zu?, *Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen*. Bonn. 6 (2019) 12–15.

Received 03.08.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Трошина Наталья Николаевна
Troshina Natalia N.
E-mail: troshinat@mail.ru